

К Р О К О Д И Л

№ 46—47 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

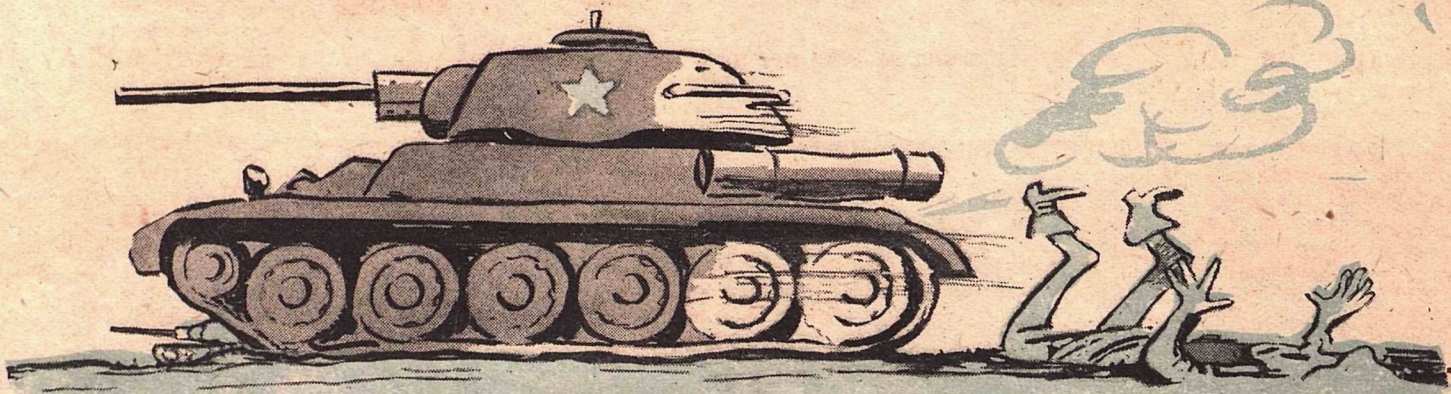
ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

Белорусская почва в историческом разрезе.

Рис. Л. Бродаты

Ганс Мюллер в подавленном состоянии.

Гляди веселей!..

— КТО у нас завтра уезжает, как говорится, в Германию в отпуск?
— Солдат Гуго Кнак из седьмой господин генерал!

— Позвать его сюда! Хочу его... как это называется... проинструктировать. А то боюсь, что станет он там, как говорится, болтать всякие глупости, не разрешённые командованием.

Солдат Гуго Кнак предстал перед фон-генералом. Лихо прихрамывая на правую ногу, солдат приблизился к высокому начальству и, вышучив глаза, замер.

— Как себя чувствуешь, рядовой Гуго Кнак?
— Согласно приказу, господин генерал.
— Молодец! Что в вашей роте все такие, как ты?
— Никак нет. Есть раненые и в обе ноги.
— Я не об этом. Какой дух в роте?
— О всей роте не скажу. Но в моём блиндаже дух что надо!
— Хорошо! Как говорится, прекрасно! Кто у вас этим занимается?
— Все понемногу. А некоторые даже очень стараются.
— Фюреру будет приятно услышать об этом. Дух солдата — большая сила, как говорится.
— Так точно. Очень большая. Господин фельдфебель уже давно обещал устроить вентиляцию.
— Что? Ты, я вижу, почти болван!

— Согласно приказу, господин генерал.
— Молодец! А какие разговоры ведут солдаты о войне?
— Пугают войну с едой.
— Не понимаю.
— Очень просто. О еде говорят: «Побольше бы!», — а о войне: «Спасибо, сыты по горло».
— Вот как! Гм... Ты это забудь. Вст едешь домой. Будь там, как говорится, бодрым, весёлым, пой, гуляй. Какие песни знаешь?
— Мне из дому приклали песенку. Её теперь поют во всей Германии.
— Хорошо. О чём там? Спой.
— Слушаюсь, господин генерал. Очень весёлая песенка:
«На ужин постная капуста —
И марш в постель, хоть брюхо пусто.
Лишь только зад согрел немного, —
Уже воздушная тревога...»

— Оставить! Ты лучше скажи вот что. У тебя там будут спрашивать, почему мы здесь, в России, отступаем. Что ты ответишь?
— Скажу, что русские танки...
— Оставить! Ни слова о русских танках!
— Тогда я скажу, что русские пушки...
— Молчать! Ни звука о русской артиллерии!
— Тогда я скажу, что русская пехота...
— Идиот!
— А что же прикажете говорить?
— Когда у тебя спросят, почему немцы от-

ступают в России, ты должен жизнерадостно ответить: «Ложь! Немцы не отступают». Понял?

— Для меня, господин генерал, соврать — пустяковое дело. Хайль Гитлер!
— Молодец! А что с твоей ногой?
— Ранен при отступлении...
— Дома о своей ране говори весело. Дескать, такой смешной случай был. Гнался ты за русской дивизией. Выстрелил из винтовки и бежишь. Но ты так стремительно бежал, что догнал свою пушку, и она подарила тебе ногу. Вот смеху было!..
— Не поверят.
— Неужели не поверят, что ты догнал свою пушку?
— Нет, этому ещё поверят. А тому, что я смеялся при этом. Всё-таки так бежать, тут не до веселья.
— Хорошо. Пускай без смеха. А если ты там, в своём городе, встретишь человека унылого, пессимиста, пораженца, что ты ему скажешь?
— Я ему скажу, что...
— Не смей с ним разговаривать! Дай ему в морду — и всё. Надо все силы приложить к поднятию, как говорится, морального состояния в германском тылу. Понял? Ну ступай. И, как говорится, гляди веселей!..

Г. РЫКЛИН

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

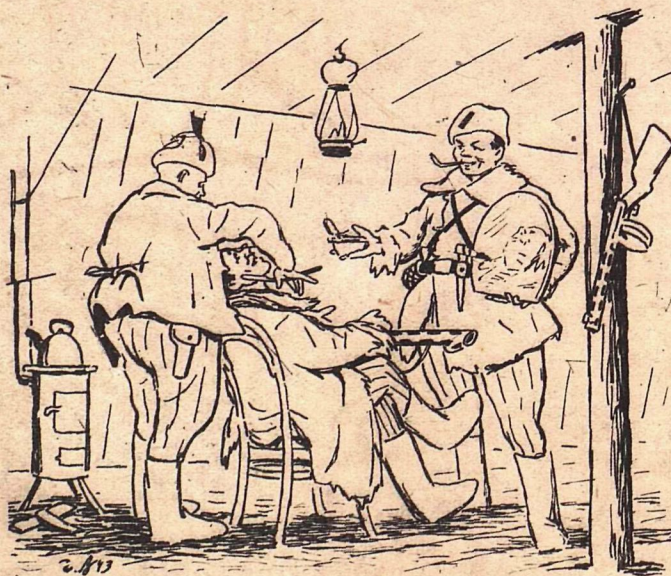
БЕРЛИН. Газета «Вралишер тарабахтер» опубликовала передовую статью «О конференции в Тегеране». В статье говорится: «Всё это выдумки наших противников. Никакого города Тегерана нет на земном шаре».

ХЕЛЬСИНКИ. В газете «Суоми Враки» напечатана следующая заметка: «Только что прибывшие с фронта из-под Ленинграда два раненых финских артиллериста категорически заявляют, что на фронте под Ленинградом нет и никогда не было ни одного финского артиллериста».

БЕРЛИН. Наднях здесь получены воздушной почтой из Англии и США рождественские подарки весом в 2 и 4 тонны. Об аналогичных заграничных посылках сообщают из ряда других городов Германии.

В ЛЕСНОЙ ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Рис. Г. Валька

— Ты смотри, осторожней брей! Ведь немцы оценили мою голову в 15 тысяч!

СТОКГОЛЬМ. Берлинские корреспонденты шведских газет сообщают, что немецкий радиогенерал фон Дитмар в своём военном обзоре остановился на состоянии фронта в районе западной и югозападной Кременчуга. «Так как, — сказал Дитмар, — снегом совершенно замело линию фронта, а также все зареде подготовленные нами рубежи, то немецкая армия, естественно, не знает, где остановиться, и продолжает двигаться назад».

БЕРЛИН. Представитель германского командования сделал следующее заявление корреспондентам газет: «Днепр очень красив летом. Но отвратителен зимой, когда его замерзающая поверхность покрывается уродливыми снежными сугробами. Вот почему немцы, не желая смотреть на такой ландшафт, поспешили оставить город Черкассы».

ГРЕНОБЛЬ. Наднях в торжественной обстановке местные лавалевские власти отпраздновали юбилей мосье де Валай: исполнилось ровно пять дней его благополучного пребывания на посту начальника гренобльской полиции. На другой день все участники торжества, кроме мосье де Валай, шли за гробом убитого накануне начальника гренобльской полиции.

ТОЛЬКО ДЛЯ НЕМЦЕВ...

Немецкий комендант маленького французского городка на Марне обер-лейтенант Кнашке после вступления в должность прежде всего решил оберечь своих солдат и офицеров от общения с французами: они не только убивали немцев, но и убийственно действовали на их психику. Совсем недавно застрелился сержант Эрих Менцель, оставив записку: «Лучше сегодня, чем завтра. Передайте эти слова дорогому фюреру».

Французы потеряли всё, но были бодры. Немцы всё взяли, но почему-то хныкали, чорт побери! Кнашке решил отделить чистых от нечистых. Во французском городке появились кварталы с надписями поперёк улицы: «Только для немцев».

— Язык автомата, — заявил Кнашке, — должен быть единственным средством общения между победителями и побеждёнными.

Но французы очень быстро усвоили этот язык. Каждую ночь они били немцев из автоматов, а табличку с надписью «Только для немцев» перенесли с дверей кафе на всрота городского кладбища.

Потом эта табличка стала появляться всюду: на похоронном бюро, на телеграфных столбах с высоко повешенной петлёй из толстой верёвки. А когда с места в Марну неожиданно и таинственно упал немецкий патруль, проломив хрупкий лёд, над дымящейся прорубью на акуратной подставке стояла та же табличка: «Только для немцев».

И вот, в момент, когда в комендатуре происходило заседание старших чинов оккупационных войск, расположенных в городке, обсуждавшее меры борьбы с преступной агитацией, под самые окна комендатуры подъехал ассенизационный обоз. На бочках красовались слова: «Только для немцев». Чины бросились на улицу, но возницы быстро выпрягли коней и ускакали в парк, примыкавший к городу.

И так каждый день. У витрины магазина собирал огромную толпу электрический утюг. На нём была надпись: «Лучший утюг Франции». Пока немцы искали хозяина, пока пытались выяснить смысл надписи, утюг исчез, а на стенах появились листовки: «Вчера почти все истинные французы нашего города продефилировали мимо лучшего утюга Франции. Он будет храним патриотами как святыню. Консьержка Флоранс Мерсье убила этим утюгом восемь бршей и ушла к партизанам в Савойю». После этого в самых невероятных местах стали появляться утюги с надписью «Только для немцев».

Разъярённый комендант Кнашке решил принять бой. Как-то утром повеселившие эсэсовцы развезли на грузовике огромные вывески с надписью: «Только для французов». Одну из них они установили на городской свалке, другую — на стене городской тюрьмы. Кнашке потирал руки: немецкий дух победил французов даже в остроумии.

К ночи на каждом немецком плакате была краткая приписка.

На свалке:

Только для французов
немцы из мусора делают
пищевые эрзацы.

На городской тюрьме:

Только для французов,
ещё не вступивших в ряды
партизан.

Кнашке арестовал двести заложников и особым приказом предупредил население, что при первой же надписи «Только для немцев» или «Только для французов» он расстреляет своих пленников.

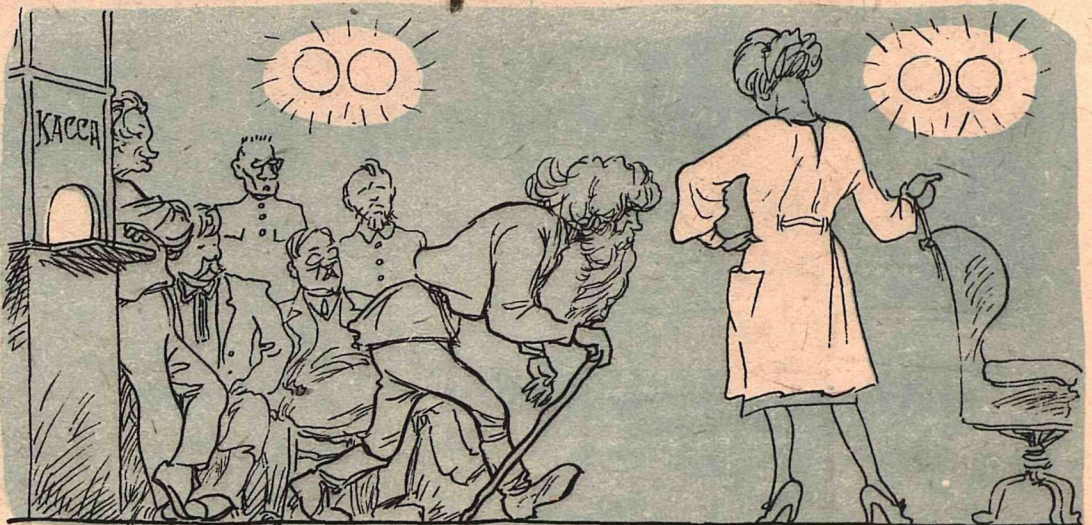
На следующее утро он проснулся с готовностью к решительным действиям. Он вскочил с кровати и воскликнул: в огромной фаянсовой вазе, украшавшей его спальню, стояла вместо букета цветов тряпаная метла. И на ней табличка: «Только для немцев». Он схватил метлу — последовал оглушительный взрыв. Мина, заложённая в вазе, разнесла Кнашке в куски и только каким-то чудом уцелела метла с белой табличкой «Только для немцев».

В. СУХАРЕВИЧ

ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

Рис. К. Елисеев

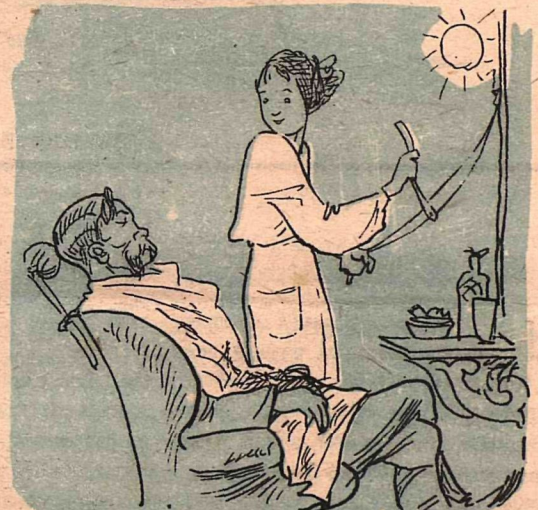
В оккупированных немцами районах многие наши молодые люди нарочно отращивали себе бороды до пояса, чтобы их приняли за стариков. На этой почве вот какой случай произошёл в Киеве на другой день после того, как наши доблестные войска вошли в город.

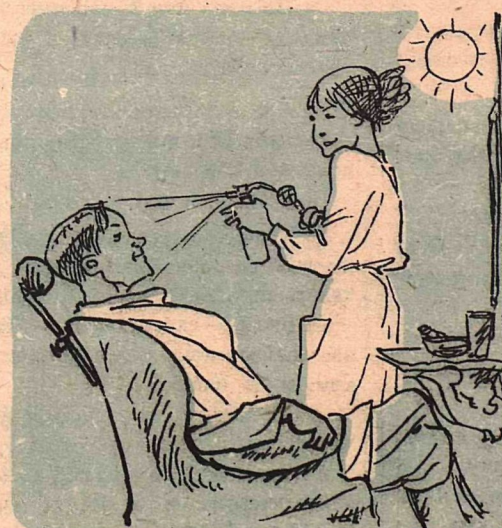
Пришёл в парикмахерскую дряхлый старикан. Волосы до плеч. Борода до пуза. На вид ему лет сто. Парикмахерша, молодая, интересная особа, говорит: — Садитесь, дедушка, без очереди. Старикам у нас почёт.

Постригла парикмахерша волосы, привела в порядок причёску — видит, перед ней сидит не такой уж дряхлый мужчина. Парикмахерша говорит: — Видите, папаша, как причёска вас помолодила. Парикмахерское искусство — это великое дело.

Состригла парикмахерша бороду, чтобы приступить к бритью, — видит, сидит перед ней гражданин лет тридцати. Парикмахерша говорит: — Сейчас побреемся, молодой человек. И вы уйдёте из парикмахерской помолодевшим лет на шестьдесят.

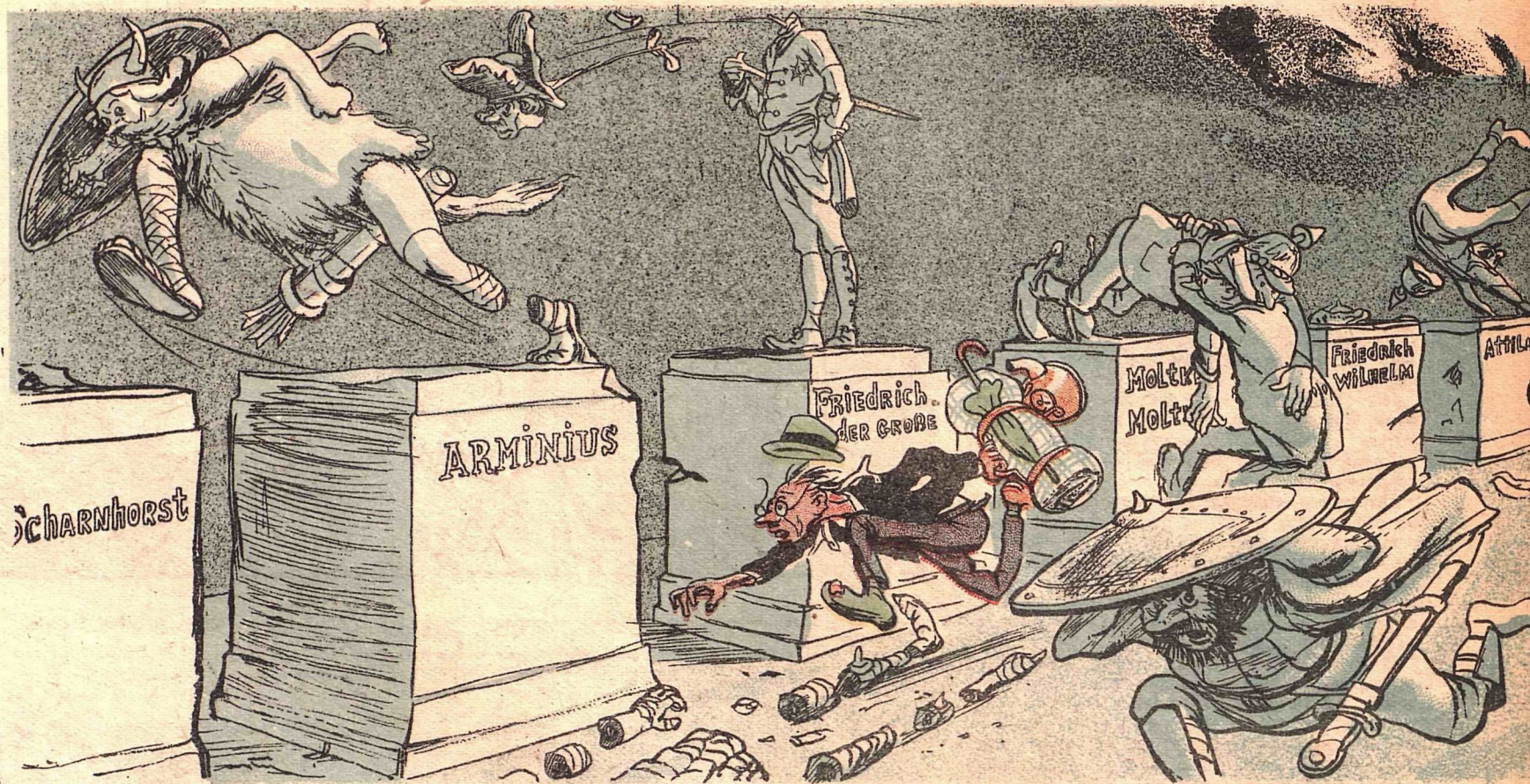

Побрила парикмахерша посетителя — видит, перед ней сидит интересный юноша лет так двадцати. Парикмахерша говорит: — Разрешите одеколончиком освежить ваше юное личико? Тогда совсем будете в превосходном виде.

И вот личико протёрто одеколоном. Простынка снята. Перед парикмахершей сидит парнишка лет так шестнадцати. Всплеснув руками, парикмахерша говорит: — Ты что, пацан, без очереди сел?! Парнишка смеётся. — Вы, — говорит, — сами меня пригласили.

Рис. И. Семёнова

Есть ещё пока такой город — Берлин. Есть в этом городе улица. Называется она скромно, но мило

Как это бывает

Рис. Л. Бродаты

ПРИШЛА она в нашу землянку, села рядом со мной и стала разговаривать на разные военные темы.

Как молодому человеку, мне хотелось с ней совсем о другом поговорить. Примерно, мне хотелось сказать ей, что её волосы напоминают цвет бронзы, какая бывает на старинных пианино. Вообще, в мирной жизни я бы нашёл, что ей сказать. А что ты скажешь помощнику командира взвода, дважды орденоносцу, знаменитому на всю дивизию снайперу? Вот я и решил сделать ей чисто военный комплимент и говорю:

— Я бы не мог высидеть долгое время в засаде и не шевелиться. Старший сержант придвинулась ко мне поближе и говорит:

— Завтра после обеда приходите на занятия... Я вас сделаю снайпером.

На первом же практическом занятии я всё же намекнул старшему сержанту насчёт бронзы, которой украшали в старину пианино, и получил за это наряд вне очереди.

В итоге наших занятий у меня насчитывалось четыре наряда, один выговор перед строем и два — личных, с глазу на глаз. Зато снайперскую винтовку я изучил не хуже, чем строй рояля.

А вскоре старший сержант вывела меня в лес и сказала:

— Сегодня вы займёте боевую позицию. Лежите тихо. Я буду издали контролировать вашу работу. Если увидите фрица, — стреляйте без промаха. Желаю удачи.

Попробовал я ей осторожно сказать.

— Товарищ старший сержант, — говорю, — у меня мягкий характер, я могу не улезать, и немцы нас обнаружат.

— Ничего. Приказываю не шевелиться. Характер — дело наживное. До войны я боялась одна ходить по тёмному переулку.

Пошёл я за ней. Она идёт легко, без шума, а я то на пень налетаю, то в болото плюхаюсь. Когда пришли к месту, я уже был весь мокрый.

Улёгся я и жду. Вдруг чувствую, что за камуфляж пробирается что-то скользкое, холодное. Решил, что ящерица или змея, но ле-

жу, не шевелюсь. Потом мне захотелось обязательно чихнуть. Мучился до одури, но всё же не чихнул.

Шесть раз я ходил на это место, и не то, что убил кого-нибудь, но даже не видел ни единого, хотя бы самого паршивого, фрица. Ну, думаю, теперь конец. Не вышел из меня снайпер. А в душу всё же какая-то обида вошла. Чем же я хуже других?

Пришёл я к товарищу Васильевой и сказал ей об этом. И что я слышу.

— Вы, — говорит, — товарищ Сытов, не беспокойтесь. Характер у вас уже есть, — значит, и фрицы убитые будут. Завтра мы с вами выйдем на настоящую позицию, туда, где фрицы ходят.

— Как это на настоящую позицию? — удивился я.

— До сего дня я вас выводила за хозкоманду полка, а сама уходила обратно в роту. А вы себе лежали и наживали характер. Поняли?..

Вскоре меня перевели в другое подразделение. Начались наступательные бои, и я встретил тов. Васильеву в глубине взломанной немецкой обороны.

Подошёл я к ней и говорю.

— Тоня, скажите: не было ли каких-других причин, что вы так настойчиво добивались сделать из меня отличного воина? У меня теперь пятьдесят девять фрицев на счету и две медали на груди.

— Были, — сказала она. — Парторг роты поручил мне обучить вас снайперскому делу. Он понял, что вы станете хорошим стрелком, и не ошибся...

— Ах, значит вы действовали по решению парторга. Спасибо парторгу. Спасибо ему!

Я пожал её руку и пошёл по бывшей немецкой траншее. А когда показались немецкие боевые порядки, я вспомнил, что она, товарищ Тоня Васильева, и есть парторг роты.

Я заскрипел зубами и... выстрелил в немецкого офицера.

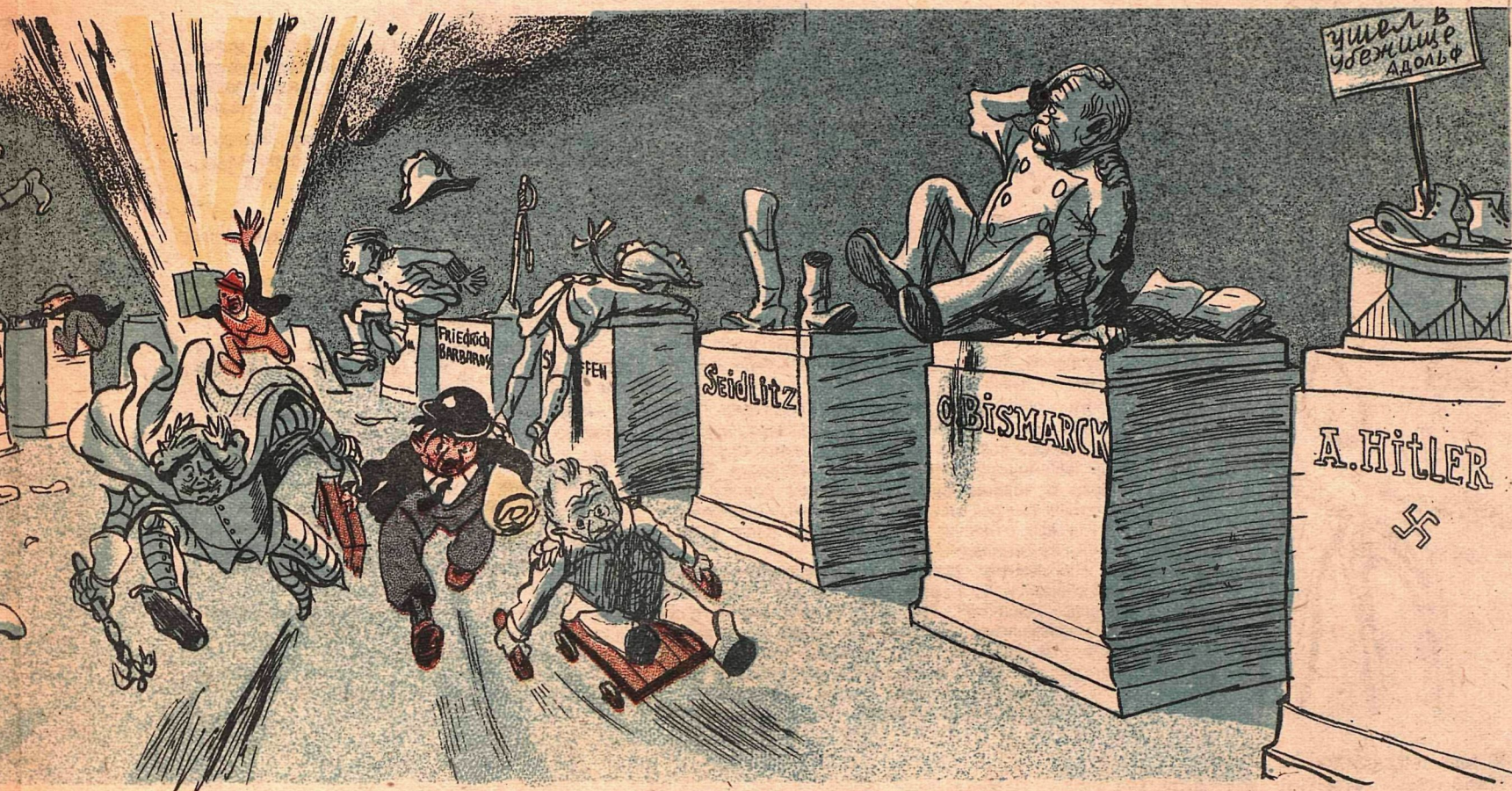
Майор М. ЭДЕЛЬ

Действующая армия.

УКРАИНСКОЕ СА

Нашумевший ав...
ния «Миф XX сто...
зенберг. В свое вр...
лером обер-управ...
областях России.
превратились в м...
XX столетия» ос...
слиюнь при сладк...
улетучивающемся

— Аллея Побед. Читатель знает, что Берлин давно остался без побед. А сейчас он остался и без аллеи.

АДРЕСОК

В тёплый вечер, уезжая
От тебя на долгий срок,
Записал я, дорогая,
Твой почтовый адресок.

Оттого что, оттого что
Расстояние — не беда,
Мы решили: свяжет почта
Почта вырчит всегда!

Нажимала вражья свора,
И с колхозом на восток
Переехала ты скоро —
Изменился адресок.

Оттого что, оттого что
Старый домик твой в огне,
Полевая наша почта
Возвратила письма мне.

На восток послал письмо я,
И пока оно дошло,

Наши части взяли с боя
На Днепре твоё село.

Оттого что, оттого что
Возвратилась ты сама,
Полевая наша почта
Не доставила письма.

Путь к тебе теперь я знаю,
Час победы недалёк.
Я вернусь с войны, родная,
Разыщу твой адресок.

Оттого что, оттого что
Быть хочу с тобою вновь.
Не смогла связать нас почта —
Пусть же свяжет нас любовь.

Григорий ПЛОТКИН

Действующая армия.

— Ох, темно что-то, бабушка.
— Темно? То есть так светло, хоть зажмурься!
— Я говорю: темно рассказываешь, бабушка. Ты что ж, что-нибудь особенное в этой очереди получила?
— А как же, получила. Особенное удовольствие получила.
— Вот что бабушка: ты брось загадки загадывать. В какой это такой очереди ты была?
— Как в какой? В третьей.
— Час от часу не легче. В трёх очередях была, а сама сияет.
— Да не в трёх, а в третьей! Ну в третьей очереди метро была. Обновила, значит. Прямо до дому доставили. Вот это очереди!

Ник. АД.

БЕСНОВАЛСЯ РЫЖИЙ ФРИЦ...

(Частушки)

Бесновался рыжий Фриц:
— Мы дадим в России блиц!
А война всё длится, длится —
И ни блица и ни Фрица.

Пленный лётчик говорил:
— Я над Францией парил!
Но Россия — не Париж,
Потому и не паришь.

В кровожадности и силе
Гитлер следовал Аттиле.
Только этому Аттиле —
Мы бока отмолотили.

Удалой пилот фон Штоле
Налетел на наше поле,
А теперь вороны в поле
Налетают на фон Штоле.

Юрий БЛАГОВ

ОЧЕРЕДЬ

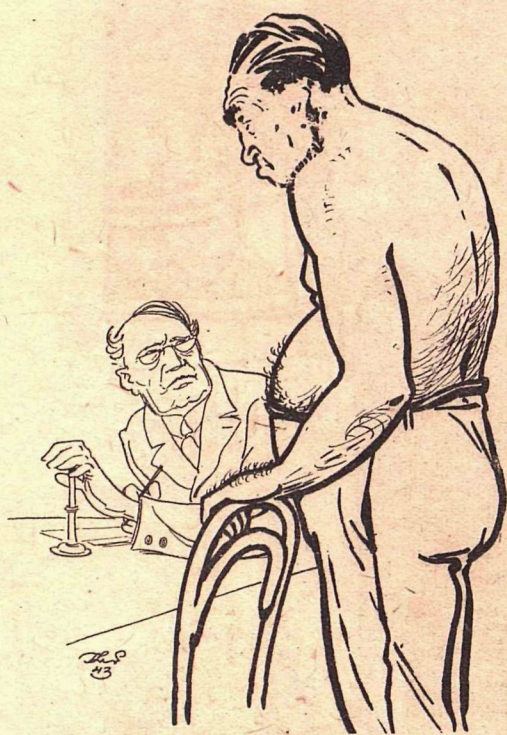
ПРИШЛА бабушка Анисья Степановна домой весёлая, довольная.

— Откуда, бабушка?
— Из очереди.
— Что ж так радуешься?
— Да уж больно приятно!
— Сказала тоже! Поди, теснота, толкотня?
— А вот и нет. Просторно, хорошо!
— Что ж хорошего? Времени-то сколько потеряла?
— Ни минутки лишней не потеряла. От начала до конца и четверти часа не прошло.
— Ага! Значит, маленькая очередь?
— Какая там маленькая! Глазом посмотреть — конца не видно.

тор бредового сочинения «Мифы и легенды о войне» Альфред Ромея был назначен Гитлером главным редактором в завоёванных странах. Однако эти завоевания мифа. И автору «Мифы и легенды» придётся лишь глотать свои воспоминания об украинском селе.

Рис. К. Елисеева

— У вас неправильный обмен.
— Напротив, доктор! Я только наднях очень удачно обменял патоку на цемент.

НАСТЯ

Получала Настя часто
Письма друга и бойца.
Но от этого у Настя
Не сходила грусть с лица.

Вот его записка:
«От тебя я близко.
Только трудные дела:
К краю нашего села
Битва с немцем подошла...»

Стал боец фашиста-вора
От колхоза отгонять
И своей подруге скоро
Это ясно дал понять:

«День и ночь забота,
Бью врага без счёта.
Твой наказ в бою твержу
И нисколько не тужу,
Что на запад ухожу...»

Почтальон наднях невесте
Весть отрадную принёс.
С Настей радовался вместе
Этой весте весь колхоз:

«Твой защитник Сёма
Далеко от дома.
Частых писем, мол, не жди!
На портрет мой погляди:
Орден Славы на груди...»

Настя весточки отныне
Стала реже получать.
Но от этого дивчине
Не приходится скучать:

Ей в часы досуга
О победах друга
Слышно в сельской тишине:
«Чем он дальше на войне,
Тем скорей придёт ко мне!»

А. ЖАРОВ

Я ПОШЕЛ в Третьяковскую галерею на выставку «Героический фронт и тыл» не один, а с тётушкой. Она Маня, но все зовут её Манон, потому что она искусствовед, спец по западноевропейской живописи.

Манон очень в курсе дела. Она прочитала кучу книг по искусству и всё, что прочла, помнит.

С ней интересно ходить на выставки. Она становится перед картиной, пристально вглядывается в неё, то отходит, прищуриваясь, то подходит совсем близко, тараща глаза, что-то мычит, делает рукой неопределённые движения, как бы рассекая картину на части, и, наконец, произносит громко и авторитетно: «Совершенно верно», или «Допустим», или же коротко «Чушь!»

Мы обошли с Манон всю выставку. Мне очень понравились рисунки ленинградцев, понравилась картина «Мать партизана», скульптура «Непокорённая». Портрет пианиста Игумнова в чёрном фраке за чёрным роялем несколько смутил меня: я не мог сразу сообразить, куда его отнести: к фронту или тылу. Пожалуй, правильней — к тылу.

Любопытно задуман скульптурно портрет художника А. Герасимова: он дан без правой руки. Впрочем, это — подражание известному скульптурному портрету балерины Семёновой, где она дана без ног. Странно, что Роден не догадался дать своего «Мыслителя» без головы. «Торс мыслителя». Очень эффектно!

А Манон всё шла и шла, не обращая на ме-

ня никакого внимания. Она шурилась, мычала, раскачивалась, водила руками, добросовестно проделывая всё то, что полагается проделывать знатоку на художественной выставке.

Когда мы обошли всю выставку, Манон посмотрела на меня недоумённо и спросила:

— А где натюрморт?

— Какой натюрморт?

— Какой! Ткани, бархат, вазы, стекло, фарфор.

— А зачем вам, тётушка, здесь этот комиссионный магазин? Это же выставка «Героический фронт и тыл»!

— Хорошо,— сказала Манон. — Героический фронт я вижу. А где героический тыл? Покажи мне!

— А вот где,— сказал я и бодро повёл её обратно по выставочным залам.

Я оглядывал стены в поисках картины, на которой были бы даны наши героические заводы, шахты, колхозы; наши герои труда, наши женщины и подростки, выполняющие и перевыполняющие нормы; наши транспортники; наша всенародная помощь фронту и Красной Армии.

А Манон шла за мной и ехидно спрашивала:

— Ну где? Ну где эти картины?

Этих картин не оказалось.

Мне было неловко.

А вам, товарищи художники?

О. БРИК

КРУШЕНИЕ ИДЕИ

ОДНАЖДЫ ночью гражданка Вертиухова попала в дыру деревянного тротуара на Красной улице и сломала себе ногу.

До неё здесь ломали и ноги, и руки, и рёбра, но всё обходилось благополучно. Потерпевшего отвозили в больницу, а на начальника Пензенского горкомхоза Строкова в местной газете помещали карикатуру. Инцидент таким образом, исчерпывался.

Но на этот раз дело обернулось иначе. Вертиухова сумела поднять большой шум. Пришлось выделить специальную комиссию для изучения этого вопроса.

Комиссия точно высчитала, сколько в городе дыр, ям, ухабов и прочих ловушек для неосторожных пешеходов. Во всём обвиняли Строкова.

Кто-то предложил:

— Следует обязать Строкова возместить убытки. Оплатить за период потери трудоспособности.

— Правильно! Правильно!

Строков прикинул и ахнул.

— Мне придётся три тысячи лет работать! — в ужасе возопил он. — Всю зарплату за три тысячи лет.

— Надо констатировать, — сказал председатель горсовета, — что дороги и тротуары в Пензе являют угрозу здоровью и жизни населения. Возражений нет? Нет. Вопрос исчерпан.

— Приготовить резолюцию? — спросил Строков.

— Не резолюцию, а материалы.

— Понимаю. Обязательные материалы с изложением положения, выводами и перспективами.

— Ничего не понимаете. Приготовить строительные материалы для тротуаров. И чтоб прекратились, наконец, эти происшествия.

Строков укоризненно посмотрел на председателя и веско изрёк:

— Ничего не выйдет. Происшествия были, есть и будут.

— Что же вы предлагаете?

— Пешминимум и знаки.

Брови председателя полезли вверх.

— Да, да. Пешеходный минимум. Краткосрочные курсы для населения без отрыва от производства. Изучение топографии города и практики пешеходства.

— Вы шутите?

— Нисколько. На курсовые мероприятия деньги есть, а на тротуары нет. Есть и на знаки. Можно изобразить такие: «Выходя на улицу, застрахуй свою жизнь».

Председатель вышел из терпения:

— Вешайте что угодно, только чтоб не было членовредительства.

Строков три дня искал выхода. Особенно мучили надписи. В конце концов были приняты три текста, как наиболее краткие и внушительные: «Осторожно», «Опасно» и «Смертельно».

— Сколько у нас дыр? — обращался начальник к инженеру. — Тысяч пять будет? Так. Значит, пять тысяч надписей.

— Да ведь на эти деньги можно тротуары застроить, — предлагал инженер.

— Вот вы как рассуждаете! — язвил начальник. — А если какая-нибудь Вертиухостова сломит себе голову, отвечать придётся Строкову? Но если есть надпись, — всё в порядке. Вас предупреждали? Предупреждали.

Художники готовили эскизы. Техники сблизались с ног, планируя расстановку знаков. Когда были готовы образцы знаков, Вертиухова поправлялась.

— Одобрить мою идею может только человек, испытавший на себе неудобство отсутствия знаков. Поэтому мы идём к Вертиуховой, — предложил Строков.

В больнице он развесил таблицы над кроватями. Разгуливая по палате, начальник ласково спрашивал:

— Вы одобряете? Вам нравится? Теперь ваша жизнь, как в сберкассе.

— Где уж, родимый, — уныло ответила Вертиухова. — Кабы я была кошка, тогда другое дело. Ночью эти знаки-то и под носом не увидишь и другой ноги лишишься.

Строков зашатался. Его замечательная идея рухнула.

Василий ЮНЕЕВ

г. Пенза.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Приношу глубокую благодарность прокурору Тугулымского района, Свердловской области, за дельный и полезный совет.

Моя семья попала в беду. Она получила участок земли в Меседовском сельсовете под огород. Но этот участок понадобился колхозу «12 лет Октября» — и председатель колхоза приказал вспахать его. Таким образом, все труды моих родных погибли, и они остались на зиму без овощей. Об этом безобразии я написал тугулымскому прокурору. И вот получил ответ, в котором уважаемый прокурор, стоя на страже интересов обиженных, со всем знанием дела рекомендовал обратиться с иском в суд.

Правильно. Я тоже считал, что нужно обратиться в суд. Даже больше. Дело это находится давно в суде. Но лежит там без движения. По этой, собственно, причине я и беспокоил прокурора, которому, очевидно, никак не нравится, чтобы его беспокоили.

Старшина Т. НОВИКОВ

Полевая почта 177707 И.

Уважаемый Крокодил!

Я пенсионерка, старая, квалифицированная учительница.

Но вот районные власти г. Дилижана, Армянской ССР, задали мне такую сложную задачу, что я её несколько месяцев не могу решить.

В августе этого года я переехала из Дилижана в Кировабад. По приезде явилась в собес, предъявила пенсионные документы и просила взять на учёт. Документы мои были найдены в полном порядке, но мне предложили представить из Дилижана личное пенсионное дело. Пять раз писала я в Дилижан, в собес, писала председателю исполкома с просьбой воздействовать на собес, писала прокурору с просьбой воздействовать на собес и исполком. И всё бесполезно. Пенсии я так и не получаю.

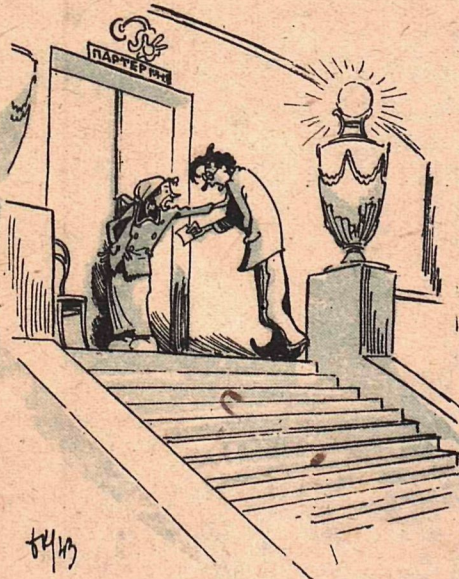
Спрашивается: куда теперь мне писать, чтоб воздействовать и на собес, и на исполком, и на прокурора? Вот так задача!

М. ГЕНЗЕЛЬ

г. Кировабад.

НА КОНЦЕРТЕ ПЕВИЦЫ ХАЛТУРКИНОЙ

Рис. Б. Клинча

— Нельзя... Не могу вас пропустить... Там уже поют. Открою дверь — вся публика убежит.

Дорогой Крокодил!

Честь и хвала Рыбинскому городскому отделу коммунального хозяйства и администрации бани. Благодаря их умелому руководству никаких неполадок в нашей бане не видно.

Да, да, придя в баню, ты не увидишь ничего такого, что бы раздражало или возмущало тебя.

Руководители банного дела достигли этого простым, но вместе с тем чрезвычайно эффективным способом: в бане совершенно отсутствует свет. Появись он хоть на мгновение путём ввинчивания обыкновенной электрической лампочки — и сразу обнаружилось бы отсутствие горячей воды, присутствие дырявых шаек и всего прочего, о чём, вероятно, тебе хорошо известно из других корреспонденций о банях.

Итак, пламенный привет рыбинским эдиссонам, изобретшим темноту!

М. СИГАЛ

г. Рыбинск.

СОРНЯКИ

— Ой, Зинка, ты знаешь, я маме сказала, что в класс не пойду и что сердце болит. А мама сначала ужасно кричала, а после сказала, что я паразит!
— А ну тебя, Лёлька! Я думать о школе сейчас не хочу, не хочу, не хочу! Мне дома и так все глаза прокололи, я в четверти «плешак» штук десять схвачу... Ты знаешь, какая ужасная жалость: когда мы ушли, — мне Аркадий звонил!
— Ой, Зинка! А я с тем артистом выдалась, и он мне на память портрет подарил. Смотри, вот он, душка! — Совсем непохожий!
— Ты просто завидуешь! Он — как живой!
— Да нет же! Он в жизни гораздо моложе, а здесь он какой-то совсем не такой!
— Ой, Зинка! Я книжку какую достала!.. Не помню названия... Там что-то... и кровь! Как он изменял, как она изменяла... И всё про любовь, про любовь, про любовь!
— Ах, Лёлька! Ты знаешь, мне всё надоело: немецкий и физика, школа и дом... Взяла бы куда-нибудь и улетела!
— С Аркадием? — Что ты! С Петром Ильичём!

Мы любим чудесную молодость нашу — Героев-подростков, отважных девчат. Мы знаем: нет чище, и лучше, и краше Открытых и смелых советских ребят. Они помогают и дома и в школе, Они по-геройски стоят у станков... Но ветер случайный на школьное поле Заносит порой семена сорняков.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ВЫЗЫВАЕТ меня как-то командир и говорит:

— Товарищ Квасов, водили мы пленных по штабу, а они грязные — хоть овёс сей на каждом. Заставь их, чертей, помываться.

Привели пленных. Банька малюсенькая, а их целая толпа. Впустил сначала троих. Разделись они, и очутился я будто в Африке: жара, а вокруг меня народ чернокожий.

Командуя: «Мойтесь!» А они почему-то к дверям жмутся.

Беру одного плюгавенького фрица за руку, подвожу к полке и объясняю:

— Вымыться тебе надо, вылезай на полку, постегай себя — грязь и отойдёт.

Уговаривал его. Только не по-нашему начал он париться. Гоняет воздух вокруг себя, будто дама какая с веером в театре.

— Не вымыться тебе самому, — говорю я и подзываю к себе второго, здорового фрица. Даю ему веник и приказываю:

— Делай вот так, как я делаю.

Понял он, закивал головой, улыбнулся.

Приступили они к делу. А я отвернулся: начал второй веник в воде распаривать. Занимаюсь и слышу:

— Ох, ах, ох!

Потом и мычанье донеслось

Посмеиваюсь я:

— Эх, разбирает фрица от удовольствия. Небось, по всему свету шлялся, в Парижах разных бывал, а настоящую радость только в русской бане получал.

Вскоре сквозь мычанье прорвался крик: «Ой, ой!»

Оборачиваюсь, гляжу: мать ты моя честная, вот так картина! Здоровенный фриц, как цыплёнок, держит за шею плюгавенького, прижал его мордой к полке и шпарит по спине. И брыкает этот фриц ногами, как мальчишка, которому всылают.

Подбежал я с веником в ведре, любопытствую. А парщик швырнул свой обгрёбанный веник в сторону да за мой схватился. Размахнулся и ещё хлеще сечёт. Орёт плюгавенький, по-настоящему орёт.

Вижу, дело плохо. Вмешался я, навожу порядок, но ничего не получается. Вошёл этот фриц в раж, отталкивает меня плечом, а сам всё шпарит да шпарит.

Зову я на помощь третьего, что был в бане, а он отвернулся, будто не замечает, и в кулачок хихикает.

Крикнул я тогда своего бойца. Вбежал он. Еле вырвали мы у фрица веник.

Поднимаю я плюгавенького, а он не может сесть. Фриц-парщик глядит, хохочет, как безумный, и приплясывает. Третий тоже давится смехом.

Вытолкнул я их в предбанник. Там и выяснилось всё. Итальянцем оказался фриц, который парил плюгавенького.

Интересовался я, почему тот — третий мой клиент — не пришёл на помощь, а хихикал в кулачок.

Он оказался «румыно-сербский»

Г. ИОЛТУХОВСКИЙ

Действующая армия.

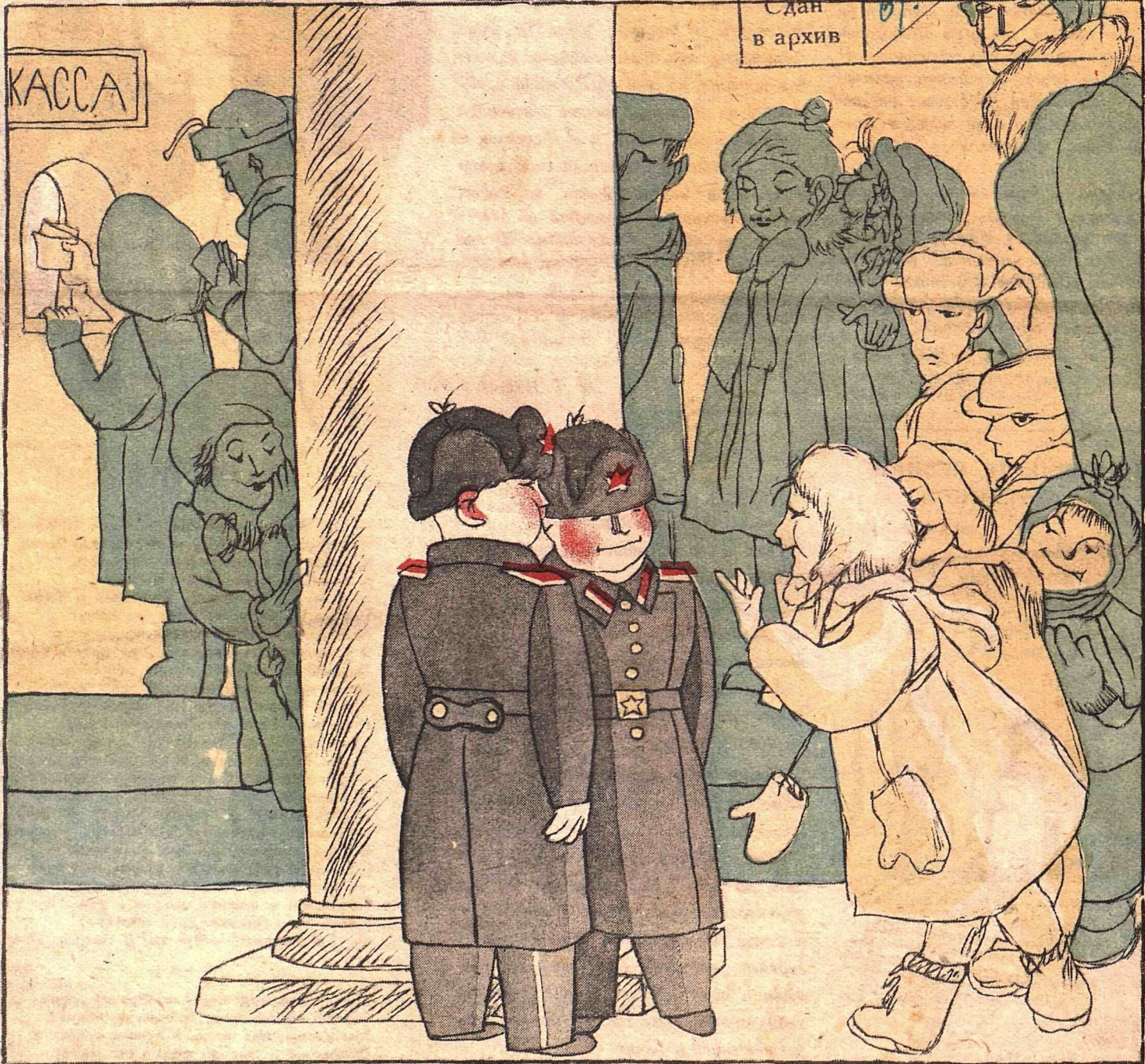
Получ.

в ред. ЖЕНИЕ

Сдан в архив

СУВОРОВЦАМ ПОЧЕТ И УВАЖЕНИЕ

Рис. М. Черемных

— Пожалуйста! Военным вне очереди!..

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются. Адрес ред.: Москва, 40. Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24, тел. Д 3-82-50, Д 3-33-47. Прием ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 руб. 60 коп. в месяц. Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 863.

Подп. к печати 21/XII 1943 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 1. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

A3842.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 3305. Тираж 100 000 экз.